

УДК 070 : 008 : 271.2

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ УРОКИ СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА И ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО

А. В. Полонский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
кафедра коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью

В статье рассматриваются стилистические особенности православного слова на страницах современных российских массмедиа.

Ключевые слова: *православие, православное слово, духовная традиция, российские массмедиа, дискурс.*

Автор известной монографии «Теория информационного общества» Фрэнк Уэбстер как-то заметил, что аудитория наслаждается тем спектаклем, который разыгрывается для нее в массмедиа [24]. Не берусь судить о том, какими именно и в какой степени общими являются вызываемые *массмедийным спектаклем* чувства аудитории, но замечу, что *спектакль* этот отражает ключевые особенности современного социального бытия, кардинального меняющегося под воздействием массмедийных коммуникационных технологий. «Роль СМИ... в нашей жизни, – отмечает Г. Я. Солганик, – трудно переоценить. Никакое другое литературное образование, никакие другие роды и виды словесности не оказывают на общество столь сильное и всеохватывающее влияние, как СМИ» [22, с. 4].

Массмедиа стали ключевым коммуникативным и когнитивным ресурсом современного общества, обеспечивающим разработку и трансляцию содержательных и стилистических форм, которыми руководствуется современный человек в своих социальных и культурных практиках, стали тем духовным пространством, в котором современный человек в солидарном усилии мысли разрабатывает свои социальные проекты, свои нормы и ценности. Фокусируя общественное внимание на тех или иных фактах, идеях, проблемах, ситуациях или сюжетах, рационально-аналитических или эмоционально-образных реакциях, культурных идиомах и идеологических конструкциях, масс-медиа формируют, с одной стороны, *общественную повестку дня* (публично заявленную и нежестко упорядоченную совокупность тем, требующих общественного внимания), а с другой – *общественное мнение* – совокупность оценочных суждений, обеспечивающих социальный процесс включения, протезирования или отторжения определенной речемыслительной или поведенческой формы.

Особая роль современных массмедиа определяется их способностью не только оперативно реагировать на информационные потребности аудитории, на ее духовные, социально-политические и материальные запросы, не только вовлекать аудиторию в широкий общественный диалог, благодаря которому обеспечивается функционирование самого общества, но и управлять

обществом, корректируя его содержательные формы и изменяя практику его жизни.

К сложной проблематике медиа и человека, оказавшегося в условиях жестко формируемого ими социального пространства, обращаются сегодня исследователи разных научных специализаций – медиалогии, культурологии, семиотики, социологии, политологии, психологии, лингвистики, когнитологии, журналистики и др. Востребованность исследований подобного рода объясняется тем, что знание «уроков» современных массмедиа позволяет определить характер общества, в котором мы живем, особенности разрываемого в нем социального диалога, особенности рациональной и эмоциональной восприимчивости современного общества, а также его этической и эстетической рефлексии.

Будучи открытыми без ограничения всем сферам и формам знания, «собирая» все идеи и слова, порождаемые обществом, медиа усиленным, уплотненным потоком «возвращают» их в общество, определяя его «манеру понимать» (В. Г. Белинский) и способность «духовного различения» (Ф. Гегель). Этим объясняется тот факт, что в массмедийное информационно-смысловое пространство со своей духовной миссией пришло и православное слово, заявив в нем, говоря словами представителя Русской Православной Церкви протоиерея Всеволода Чаплина, свою «претензию на перемену окружающей реальности» [3], на переоценку сложившихся в обществе культурных практик, – слово, к которому все внимательнее прислушивается современный россиянин и которым он все чаще определяет характер своего образа жизни и мыслей, разрабатывая православную этику человека [6, с. 191, 198].

Православное слово в российских массмедиа занимает сегодня значительное пространство.

В 1998 г. заработало православное информационное агентство «Русская линия» (rusk.ru), нацеленное на освещение религиозной и общественно-политической жизни страны. К 2005 г. было зарегистрировано уже около 800 православных изданий, в целом же их насчитывалось, по некоторым данным, около 18000 [7]. В 2009 г. был создан Фонд поддержки православных СМИ «ТВ СПАС», задачей которого стало оказание материальной и информационной помощи в организации духовно-просветительских программ и мероприятий.

Сегодня в России, в центре и в регионах, издаются православные газеты, журналы и альманахи: «Правило веры», «Русь Державная», «Православная Москва», «Московский церковный вестник», «Радонеж», «Покров», «Воронеж православный», «Смоленск православный», «Небесный всадник», «Татьянин День», «Вера молодых», «Русский Дом», «Духовный Собеседник», «Благодатный огонь», «Нескучный сад», «Новый ковчег», «Добродетель», «Славянка», «Вертикаль. XXI век», православный журнал для сомневающихся «Фома», студенческий православный журнал «Образ жизни» (г. Воронеж), детский журнал «Божья коровка» (<http://www.bkorovka.ru/>) и многие другие.

В настоящее время успешно функционируют православные радиостанции «Воскресенье» (г. Екатеринбург) и «Град Петров» (г. Санкт-

Петербург), радио «*Радонеж*», а также три концептуально дополняющих друг друга православных телеканала – «*Союз*» (выросший с 2005 г. из телевизионного проекта Екатеринбургской епархии в общецерковный канал, который открытым, кабельным и спутниковым вещанием сегодня охватывает не только Свердловскую область, но и значительную часть Северного полушария, присутствие же телеканала в Интернете, а с января 2012 г. запуск онлайн-трансляции для пользователей современных мобильных устройств, включая *iPod*, *iPhone*, *iPad* и приставки *Apple TV*, делает его доступным практически для всех), «*Спас*» (с 2005 г.) и детский канал «*Радость моя*» (с 2007 г.).

Православная тематика является ведущей или значимой во многих светских массмедиа, поддерживающих идеи возрождения православных духовно-нравственных традиций. Среди них: международный научно-популярный просветительский журнал «*Русский Мир*», журнал православно-патриотической направленности «*Русский Дом*», общенациональный «*Русский журнал*» («для тех, кто любит Россию и верит в ее будущее»), журнал художественной литературы и общественной мысли «*Слово*», литературно-художественный журнал «*Всерусский собор*» (издающийся при участии Собора славянских народов Беларуси, России и Украины, Фонда св. ап. Андрея Первозванного, Союза писателей России и других общественных организаций), российский исторический журнал «*Родина*», первое общественное телевидение и радиовещание Белгородской области «*Мир Белогорья*» и др.

В Рунете в настоящее время – по некоторым данным – насчитывается более 1000 сайтов, имеющих православную направленность: «*Православное христианство*» – каталог православных ресурсов Интернета, насчитывающий в настоящее время 893 православных сайта (*hristianstvo.ru*; информация на этой странице меняется каждые 30 минут), «*Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей*» (*mospat.ru*), «*Русская Православная Церковь. Московский Патриархат*» (*patriarchia.ru*), «*Белгородская и Старооскольская епархия*» (*blagovest.bel.ru*), «*Православие.Ру*» (*pravoslavie.ru*), «*Московская Православная духовная академия*» (*mpda.ru*), «*Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского*» (*orthgymn.ru*), «*Свет Православия*» – просветительский центр и издательство (*reshma.nov.ru*), «*Православный теремок*» – форум для людей православного мировоззрения и вероисповедания (*worldorthodox.net*), «*Культурно-просветительский фонд имени святого Василия Великого*» (*rus-svyat.ru*), «*Русская народная линия*» – информационно-аналитическая служба (ruskline.ru), «*Россия в красках*» – православное научно-просветительское общество в Иерусалиме, рассказывающее о Православии на Святой Земле, в России и Зарубежье и нацеленное на возрождение традиций паломничества на Святую Землю, духовное возрождение России и изучение истории Православия на Святой Земле (*tricolor.org*), «*Православные знакомства*» (*ljubo.ru*) и многие другие.

По замечанию протоиерея Всеволода Чаплина, «Церковь в российских СМИ сегодня занимает такое пространство, которого могли бы себе пожелать гораздо более богатые и гораздо более кадрово сильные церкви западного

мира» [3]. Однако православное слово, с присущими ему духовными и культурно-историческим контекстами, все же конфликтно адаптируется к дискурсу современных массмедиа, на что обращают внимание исследователи. Так, например, В. Легойда отмечает, что «православие... в принципе не вписывается со своим контекстом в формат культуры как творения разума и рук человека. Смысл жизни христианина – спасение, стяжение Духа Святого, обожение – возможен только в Церкви как Мистическом Теле Христа, которое безусловно трансцендирует любой культурный опыт, связывает (religare) человека, живущего в мире артефактов, с нетварным Абсолютом» [17]. А. Морозов, в свою очередь, подчеркивает, что «“поединок” СМИ и Церкви порождает ложный “публично-церковный” дискурс, который совершенно оторван от каких-либо актов веры, который не в состоянии коммуницировать те основы, из которых вытекает оценка событий» [19]. В основе «конфликтного» совмещения этих двух культурных феноменов – православного и массмедийного слова – лежит принципиальное несовпадение их дискурсивных параметров.

Каждый тип дискурса, как известно, отличается характерной для него совокупностью параметрально объединенных текстов, устойчивой моделью автора и адресата, целями и стратегиями, характерными социально-культурными и ситуативными контекстами и др. Важным параметром дискурса является тип объективируемого сознания как сформированной на основе опыта, аргументации (рационально-логической или эмоциональной) или веры совокупности знаний об окружающей действительности и суждений о ней. Дискурс и представляет собой «запись» в слове (в знаке) социально обусловленного «движения» параметризованной мысли. Слово в дискурсе имеет свои устойчивые признаки и смысловые проекции.

Каждый дискурс имеет самобытный контекст бытования мысли, особенности сохранения знаний и их актуализации, иначе говоря, имеет свою память, или, точнее, свой «диалект памяти» [18, с. 200]. Дискурс имеет свою формулу памяти, фиксирующую то, что следует хранить и предъявлять в определенной очередности и контрастности сознанию. Особенности движения мысли в пространстве памяти, или «по полям памяти» [4], обусловленные дискурсом, определяют характер актуализируемых смыслов, образов и слов, характер смысловых коллокаций, границы и особенности топографического и временного пространства, отражая исходный, ключевой замысел дискурса, характер и границы его идеологических и творческих проекций.

Православное слово как особая духовная традиция, вписанная в святорусский культурно-коммуникативный контекст, связано с исповедным состоянием сознания. Исповедность как предельная открытость и погруженность во внутренний духовный мир, как самораскрытие, как осознание себя памятью святорусской традиции – это ключевая интенция православного сознания и ключевой принцип православного диалога, определяющий характер его слова и его риторико-стилистического канона.

Мировоззренческим основанием бытия человека, обозначенного православным словом, является *вера* как источник Божественной истины и мудрости, как личностный опыт переживания библейского откровения и пребывания в Богооткровенной истине, как реальность, данная в форме

нравственного выбора и духовного смирения. Вера, по определению С. С. Аверинцева, это «центральная мировоззренческая позиция и одновременно психологическая установка, включающая принятие определенных утверждений (догматов) и решимость придерживаться их вопреки всем сомнениям... личное доверие к Богу как к устроителю жизни» [1, с. 77].

Православный автор – это человек, отличающийся цельностью духа, неразрываемого сомнениями и вопросами, отличающийся силой духовной мысли, обращенной к истинам Православной веры и народной традиции, к собиранию святоотеческой мудрости, обладающий способностью различать истинное и ложное, важное и второстепенное, должное и ненужное. Это человек, чей коммуникативный замысел обнаруживается в духовном господстве над своим «я» и в духовной открытости «встречному сознанию», другому человеку. Православный автор – это человек сведущий, обладающий экспертными знаниями и опытом духовной жизни, что дает ему право на мнение. Вера и личностно пережитый духовно-православный опыт формирует способность православного автора к эмансипированному от текущего контекста жизни оценочно-нравственному суждению.

В качестве православного автора выступают не только «*труженники церковные*» (по определению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II), то есть иерархи Православной Церкви, известные богословы, пастыри, духовные наставники, миссионеры, православные журналисты и публицисты, но и те, для кого православная мысль является сущностным движением души, кто черпает образцы бескорыстного служения во благо родины в святоотеческой традиции и в православной культуре, чье слово является свидетельством Православной веры, ее высоких духовных и нравственных истин, дающих человеку в условиях динамичного и многообразного современного мира устойчивые мировоззренческие ориентиры.

Мировоззренческий принцип православного автора проявляется в устойчивом восприятии действительности и соотнесения с ней себя в категориях веры и нравственного сознания – благодати (богочеловеческой синергии), совести, долга, достоинства, добра и зла. Сформированная в опыте социального служения в рамках института Православной церкви, в контексте православной веры и мысли ценностно-мотивационная структура сознания задает характер интенций – когнитивных, связанных с обращенностью к «ипостасному» знанию (обретенному в опыте веры) и святоотеческому Преданию, и коммуникативных, определяющих личностно-ориентированный духовно-нравственный диалог. Эти интенции порождают аксиологически, стилистически и прагматически ориентированное слово, обеспечивают включение его в контекст православной мысли и культурной традиции.

Осуществляемая православным автором коммуникация как опыт духовной встречи, «духовного стяжания» наполняется православным смыслом, дидактикой духовно-нравственного преображения человека. Православное слово, отличающееся самобытной духовной традицией и творческой силой, связывает человека прежде всего не с вещным миром, а с Творцом и с людьми, направляя его на высокие и вечные истины. Отсюда особое отношение к слову, которое осознается как «святыня, предметное

воплощение высших духовных ценностей, нерушимое духовное достояние, без которого человек (и народ!) теряет свое лицо, при поругании которого народ испытывает, ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, отгесняется, становится нравственно уязвимым и духовно бессильным» [23, с. 62]. Духовно-нравственный потенциал православного слова, свято хранящего «высокое небесное гражданство» (А. С. Шишков), обеспечивается жестким соблюдением семантической и культурно-нравственной границы, нормативной сфокусированностью, удержанием точности и иерархичности исконных, завещанных святоотеческой традицией смыслов.

Православное слово, обращенное к мудрости отцов Православной Церкви и к народной культурной традиции, находит путь к человеку на основе категорий нравственного сознания – триединства *истины, добра и красоты*. «Эта метафизическая триада, – писал П. А. Флоренский, – есть не три разных начала, а одно. Это – одна и та же духовная жизнь, но под разными углами зрения рассматриваемая. Духовная жизнь, как из Я исходящая, в Я свое средоточие имеющая – есть Истина. Воспринимаемая как непосредственное действие другого – она есть Добро. Предметно же созерцаемая третьим, как во-вне лучающаяся – Красота» [25].

Истина как богооткровение открывается человеку не умозрительно, не понятийным размышлением, не рассуждением и логикой доказательств, не причинно-следственным установлением, а через «верующее» к ней отношение [16], через практику духовной жизни, через покаяние, смирение и чистоту помыслов, через личный опыт вчувствования и веры. Восхождение к богооткровенной истине является, как известно, задачей всей жизни человека.

Слово «должно творить нашу жизнь, – говорил епископ Русской Православной Церкви Сергей (Королев), – собирать добро, сближать нас, вносить единение» [21]. В духовном опыте Православия *добро* – это нравственная практика созидания радости, света и мира в душе человека. Добро обнаруживается в исповедальности, в предельном самораскрытии и любовном внимании к человеку. *Красота*, как духовная гармония, как стяжание чистоты помыслов и сердца, целомудрие, духовно-нравственное подвижничество, как жертвенное служение и нравственный поступок, определяет особую чувствительность православного слова к пафосности, торжественности, высоким смыслам и высокой стилистике, благодаря чему оно обретает способность неравнодушно и заявлять о важнейших смыслах жизни.

Эти категории или интенции сознания (истина, добро и красота), обладающие прагматикой целеполагания и результата, обнаруживаются в стилистико-жанровых формах православного слова и в его, по метафорическому выражению Е. И. Кирилловой и А. Б. Орлова, риторических «одеждах» [12], – как слова исповедального, взыскающего, увещевающего, уговаривающего, наставляющего, поучающего, научающего, утешающего и объединяющего.

Живая Церковь Христова – это всегда еkkлeсия, «созвание», «собрание» людей, объединенных общим опытом веры, поэтому православный автор обращается прежде всего к единомышленникам – людям, хотя и имеющим разные психологические, культурно-социальные и

социально-речевые параметры, однако совпадающим в своем духовном устройении, в характере своей духовной работы, объединенные общим опытом переживания веры, Святой Руси и «духовной мелодики» [20] православного слова. Оно хранит и миссионерский опыт, связанный с обращенностью к людям, еще не впусившим в свое сердце образ Христа, поэтому православный автор – это и «человек двух реальностей» [8], миссионер, который хорошо знает не только Святое Писание, но и реалии времени и жизни, особенности тех людей, которым его слово предназначено. Православное слово, выходя за пределы опыта внутри экклесии и учитывая особенности иного ментального и вербального языка, чтобы быть доступным аудитории, старается не терять своей догматики, нравственной дидактики и семантической точности.

Современные массмедиа являют иной риторико-коммуникативный канон, распознаваемый в характере продуцируемого ими дискурса, ключевой особенностью которого является жесткая конкуренция смыслов и информационных поводов, опыт «символической борьбы» (П. Бурдьё) между разными идеологиями, мировоззрениями, убеждениями, задающей острополюемический характер массмедийного диалога, практика отсылочного философствования, связанного с подключением многообразных способов активации и актуализации сопутствующих смыслов (аллюзий, реминисценций, цитат, травестирования, языковой игры), практика модерирования (социально-идеологического, эстетического, этического, научного) контентов, практика овладения социальной историей смысла и слова, которое может оказаться оторванным от своей культурной традиции, извращенным, изломанным.

Отличительной особенностью массмедийного дискурса является направленность на широкую, рассредоточенную по разным параметрам аудиторию, мировоззренчески и духовно неоднородную. Ядро когнитивных признаков массмедийного адресата отражает ключевые параметры «массового человека», упрощенного, усреднено-поверхностного, отчужденного от самостоятельной, критико-аналитической мысли и опыта глубокого переживания, адаптированного к облегченному, тривиальным, клишированным, стереотипизированным, тиражированным формулам мысли и речи. Как замечает Г. Я. Солганик, в массовой коммуникации «вектор развития смещается от книжности к нейтральности <...> Для всех сфер литературной речи характерна тенденция к снижению или исключению пафосности, к адекватной передаче информации минимальными языковыми средствами» [22, с. 19].

Ориентированные на сознание «усредненного» человека, на «общедоступность», массмедиа не всегда являют опыт глубоких нравственных суждений и эстетических переживаний высокого: ими активно осваивается стилистика снижения, иронии, практика смыслового и оценочного конвертирования слова, балагурства – непринужденно-шутливого разговора, лишённого какой-либо социально тяжеляющей мысли, оторванного от культурной традиции и зачастую срывающегося с «разговорности» в самые «низкие» стилистические сферы. СМИ таким образом не только «смещают стилиевые пропорции» в направлении сниженности и непафосности [15, с. 68],

но и «деформируют» смысловую структуру слова, упрощают, делают «плоским», неглубоким интеллектуальный и чувственный опыт человека.

Утрата в массмедиа осознания «высокой» границы и присущей культуре иерархичности смыслов создает условия для аксиологической рассогласованности и деградации социальной способности формулировать духовные приоритеты.

Расширение в массмедийном дискурсе стилистико-риторических технологий когнитивного модерирования, среди которых – идеологически ориентированное номинирование, оценочное комментирование, эмоционально-оценочная аргументация, выразительное и экспрессивное письмо, цитатность, языковая игра, «совмещение голосов автора, персонажа и повествователя» [22, с. 14] и др. приводит не только к давлению на «встречное сознание», но и к жесткому самоутверждению, по меткому определению Т. де Зенготита, «льстящего себе эго», которое современные масс-медиа с готовностью «массируют» [26].

В массмедиа активизируется семантическая оппозиция *свой – чужой*, благодаря которой продуцируется «агрессивная эстетика» [14, с. 151] и «агрессивная семантика», наполняющая массмедийное пространство негативными и явно провоцирующими смыслами. Речевая агрессия обретает статус ключевого признака массмедийного дискурса, выражающегося в нарочито жестких оценках, позитивный «полюс» которых располагается в пространстве «своих», а отрицательный – в пространстве *чужих*. Это неизбежно создает условия для вытеснения с поля смыслового обмена встречного сознания адресата и превращения социального диалога в его развернутую массмедийную инсценировку.

Анализ материалов, опубликованных за последние годы в российских православных и светских печатных изданиях, а также размещенных на интернет-сайтах, показывает, что православное слово в массмедиа стабильно заявляет свою духовную традицию, активно реагируя на злободневные вопросы жизни общества и деятельно участвуя в решении важнейших социальных проблем. Православно слово пытается выработать свой новый, массмедийный формат – совокупность взаимосвязанных принципов, обеспечивающих эффективность коммуникации при установке на сохранение своих ключевых онтологических параметров. Как сказал в своем выступлении на фестивале православных СМИ «Вера и слово» (2008) митрополит Калужский и Боровский Климент, «мы не станем ради привлечения внимания аудитории любыми способами слепо следовать шаблонам, принятым в светской журналистике; не станем засорять слово Божие яркими (на первый взгляд) красками постмодернизма; сумеем избежать, с одной стороны, популизма и вульгаризации евангельских истин, а с другой – удержимся от псевдоцерковного “елейного” языка. Тогда наша проповедь станет живым свидетельством нашей веры» [13].

В своем массмедийном бытовании православное слово не отказывается от функций, присущих массмедиа: оно информирует, просвещает, комментирует, анализирует, оценивает, принимая при этом разные жаровые формы – информационной заметки, репортажа, отчета, комментария, обзора, очерка, житейской истории и др. Православно слово в массмедиа принимает

форму личностных свидетельств о благодатном и подвижническом, форму наставлений, нравоучительных житейских историй, форму мудрого совета, которые помогают человеку не только в его духовной практике, но и в практике повседневной жизни, помогают человеку узнать сокровенное и ощутить свое истинное достоинство и предназначение. Через соприкосновение с личностями – подвижниками русской земли и православной веры, простыми людьми, укорененными в своем мировоззренческом выборе, – человек приходит к осознанию своего высокого предназначения на земле, своего духовного воззвания и долга. Так, например, в очерке Е. Мирошник «Аннушкина тайна» раскрывается богатый внутренний мир простой русской женщины, по-настоящему воцерковленного человека: «Эту маленького роста сухонькую старушку со светлыми глазами все звали просто Аннушка. Она была частью кухни, где всегда сидела у окна на белом табурете. Её голова, покрытая простеньким платочком, едва возвышалась над подоконником. Трудно сказать, видела ли она двор и обычную людскую суету, но неба было видно сколько угодно. Окно было очень высоким. Иногда, сидя на табурете, Аннушка могла задремать, и нам, детям, было смешно оттого, что бабушка "кнюёт" носом. Но, вдруг очнувшись, она продолжала сидеть на своём табурете... Не знаю, сколько ей было тогда лет. В детстве я об этом не думала. Мне казалось, что Аннушка очень старенькая. Иногда её просили почистить картофель, помыть посуду или пол. Я видела, как тяжело ей тащить таз с водой, чтобы вымыть пол. А когда она тёрла его тряпкой, ощущалась вся ее немощь. Но бабушка никогда не жаловалась, не отказывалась помочь. Молча сделав работу, Аннушка снова садилась на свое прежнее место...» («Добродетель», 2009).

Православное слово нацелено в современных масс-медиа на заинтересованный, стилистически и жанрово выдержанный разговор как о вечном (о сути христианства и православной веры, о том, что ищет человек в церкви, о жизни христианина и о значении в ней православных традиций, о вере и сомнениях, об общественной роли, к которой призван верующий, и о помощи ближнему, о свободе выбора и долге), так и о повседневном, текущем, обыденном (молодежном глянце, туристах, рок-симфониях, домах-интернатах, дресс-коде, зарплатах), что позволяет человеку, как говорит протоиерей Геннадий Беловолов, «чувствовать свое бытие, движение истории» [5].

Приближение православного слова к контексту современной жизни повышает его способность включать в общественное сознание апелляции не только к вечному, не только к святоотеческой культурной традиции, но и к текущему, частному и даже периферийному. Обращаясь в массмедиа к обыденной жизни человека и находя живой отклик у аудитории, православное слово укрепляет свою объяснительную силу – способность к развернутому, полемически заостренному, аргументированному и доступному широкой аудитории ответу. Как, например, в обращении архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна: «Господь призывает нас к жизни в конкретной исторической и социально-культурной среде, и эта среда является хранительницей человека и местом реализации его предназначения. И родовая принадлежность помогает человеку воспринимать мир в той природной, социальной, исторической среде, в которой он призван к жизни. Это то, что

позволяет человеку сформировать и осознать свою самобытность. Мы все единосущны, мы все называемся одним именем – Человек, но каждый из нас имеет свое лицо, и вот с этой точки зрения принадлежность человека к конкретному роду очень важна: так формируется индивидуальность, личность приобретает новые грани, ипостаси» («Добродетель», 2009).

Особую идейно-стилистическую нагрузку православное слово обретает в массмедийном диалоге о России и родине, в котором сопрягаются высокие смыслы культурной традиции, православия, державности, русского языка и родного дома, как, например, в публикации В. Гончаровой «Легко ли женщине быть генералом?»: «Женщины на Руси не раз становились защитницами своего очага и своей родной земли. История знает немало тому примеров» («Славянка», 2010).

Поднимая в массмедиа важнейшие вопросы духовного просвещения и повседневной жизни, православный автор ориентируется на рядового человека и стремится говорить с ним на доступном ему языке, сохраняя особую, подчеркивающую высокие, чистые смыслы стилистику: *служение, лик, глас, Пречистая Богородица, послабление, сокровенный, искусительный, преисполниться, препоручить, подвигнуть к действию*. Например, «Исповедь моей мечты» О. Шестинского: «И, как мираж, у склона горы растуманивалась в тихое утро высокая женщина с золотистыми струями волос... Я задохнулся, я обомлел – колебалось на ветру видение моей жены. И пропела она дождем с Вассанских высот Иова:

– Я люблю тебя!

И я едва не пал от потрясения Богооткровением, удостоверившим меня, что из всех чувств, уготовленных человечеству, незыблема и чиста лишь любовь. И никто не подсчет ее ни в земном, ни в небесном лесу: ни лукавый, ни завистливый.

И выходила жена из растуманившегося мира с расцветшим цветком Любви, и я мог повторить ей истину Иова, обращенную к Богу:

“Я слышал о Тебе слухом уха, теперь же мои глаза видят Тебя”» («Слово», 2008 г.).

При этом массмедийный православный словарь включает прежде всего лексику славянского происхождения: образ, истина, путь, глас, совесть, пастырь, научать, благоистинный, духоносный и др. Православное слово как будто сознательно отказывается, как говорит Ф. Ирзабеков, от «инородных одежд» [9, с. 38].

Свойственным для православного слова в его массмедийном бытовании является прием архаизации орфографии – *міръ, безкорыстный*. Архаизация орфографии обусловлена установкой православного слова на воспроизведение культурных программ прошлого, которые сформировались в других условиях и своим духовным потенциалом, строгой иерархичностью смыслов противостоят массмедийной неупорядоченности мира. Архаизация орфографии, поддерживающая святорусский культурный контекст православного слова, выступает в качестве приема восстановления легитимности святорусской традиции, включения ее в контекст современной жизни и массовое сознание.

Приближение православного слова к своему новому, массмедийному адресату и связанная с этим необходимость усиления прагматического эффекта способствует освоению православным словом технологий повышения языковой выразительности и экспрессивности. Как заметила в одном из своих интервью Ю. Н. Вознесенская, известный современный православный писатель, в этом обнаруживается «попытка разговаривать с неверующими или ищущими... их языком... Это то, что делает дьякон Андрей Кураев. Он делает это очень ярко, очень заметно, может быть, для кого-то раздражающе, но он это делает. То же самое делаю и я. Гораздо более скромно, более незаметно, но я делаю то же самое» [2].

Распространенным в массмедиа приемом усиления назидательной православной дидактики является афоризация, то есть оформление мысли в виде броского и лаконичного изречения: «Господь всякому дает душу, но не всякий ею живет», «творческие способности делают человека активным, а биологическая активность истощает», «единственный грех – отпадение от Бога, единственная добродетель – возвращение к Нему». Афоризм преподносит мысль как типизированное, обобщенное, распространенное и общезначимое суждение, не требующее своего дополнительного доказательства и аргументаций, следовательно, без полемики утверждающее содержащиеся в нем истины.

В этом же ключе выступает и экспрессивное дефинирование, представляющее собой лаконичное, стремящееся к афоризму эмоционально-идеологическое определение: «Церковь – гарант духовной независимости», «жить – это медленно рождаться». Экспрессивное дефинирование усиливает концентрацию мысли, эмоциональности и оценочности, что делает его чрезвычайно востребованным в массмедийной практике православного слова.

Православное слово обращается к различным тропам и фигурам речи (окуморону, парадоксу, градации, аккумуляции и др.), усиливающим прагматический эффект за счет добавления к понятийному содержанию эмоциональной экспрессивности: *детский хостис: сплошной праздник; не убивай меня, мама!; псевдорелигиозный фастфуд; глобальный миксер; лукавая режиссура; политическая оперетта; пространство одного окна; «Забывать о своих корнях, потерять лицо, порвать связь с прежними поколениями означает попасть в жестокий глобальный миксер, превращающий племена и народы в однообразное месиво абстрактного “человечества”»* (radonezh.ru).

Православным словом активно осваиваются технологии конструирования смысла и прагматики на основе перелицовки и травестики: *родительский дым, “обкуривание” плода, пролетая над гнездом утки, хата не с краю, с милым – рай, папы всякие важны, любить иных – тяжелый крест*. Особая роль здесь принадлежит языковой игре, которая позволяет отрегулировать фокусировку восприятия объекта, а также расширить адресную аудиторию. Карнавализация, цитатное письмо, к которым обращается православное слово, активизируют фоновые знания, сопутствующие смыслы, истории, сценарии, сюжеты, тем самым усиливая социальный диалог и совместный поиск истины. Эту же функцию выполняет и неография, то есть преднамеренное изменение графического облика слова в целом или его фрагмента, включая возможности алфавита, шрифта, формы,

наклона, размера, цвета, с целью активации в выделенной структуре возникающих культурных смыслов: *проРОК*, *ЛИКбез*, *приМАТ*, *критИКа*, *читалКА*.

Характерным для православного слова становится и обращение к неологии: *захожанин* «человек, который заходит в церковь только с целью поставить свечку», *погулялки*, *поболталки*. Новое слово, как замечает Л. Ю. Касьянова, «обладает не только гносеологическим потенциалом, но и большой воздействующей силой, формирует способность человека к воспроизведению познанных ранее реалий в своей духовно-практической деятельности, стимулирует его дальнейшую когницию» [10, с. 104]. «Языковое новаторство» православного слова обеспечивает не только более точное выражение мысли и установление контакта с аудиторией, но и позволяет закрыть существующие в языковой картине мира лакуны.

В поисках своей выразительности и экспрессивности православное слово не отказывается от заимствований иноязычных (*ноу-хау*, *медийный закон*, *месседж*, *имидж*, *фаст-фуд*) и иностилевых (*фанаты*, *выпендриваться*, *журналиги*, *тупое невежество*). «Стилистическое диссидентство» (Н. И. Ажгихина) православного слова расширяет его стилистический регистр, способствуя повышению его прагматического потенциала, направленного на широкую аудиторию массмедиа. Однако в этих условиях православное слово оказывается открытым и дисфемизации, то есть целенаправленному огрублению и стилистическому снижению речи (*любовь с обильным слюноотделением*, *скотоподобные существа*, *духовный дебил*, *сатанинские ценности*, *самодуровская выставка*, *дежурное пугало*), что присуще современным массмедиа, говорящим зачастую языком современного «рынка», на котором, как известно, особенно хорошо идут все формы культурного снижения. Это создает условия для десакрализации православного слова и разрыва связи с его духовной традицией.

Дисфемизация, целью которой является создание негативно-оценочного эффекта, направленного на культурное пространство *другого*, задает крайне жесткий характер семантической оппозиции *свой – чужой*, что усиливает ксенологизацию общественного сознания, утверждает аксиоматику иного как чуждого, которая, как известно, герметична к идеям уважения духовного выбора личности. Подтверждением этого является практически отсутствие в массмедийном православном диалоге таких слов, как *кажется*, *может быть*, *наверное*, *возможно*, посредством которых человек не только выражает оценку степени реальности или истинности того, что он утверждает, но и ищет «встречи» с другим сознанием с целью духовного-смыслового сотворчества.

Жесткая оценочность, зачастую обнаруживаемая православным словом, едва ли способствует духовной симфонии – единодушию и взаимной поддержке. Оценочность, безусловно, сущностный параметр православного и массмедийного слова, поскольку их субъект призван предъявлять оценочный взгляд на те или иные явления жизни человека, однако сама оценка порой выставляется на основе лишь повышенной эмоции и неприятия того, что осуждено изначально. Излишняя жесткость в оценках не воспринимается

широкой аудиторией массмедиа как «приглашение» к полноценному социальному диалогу, востребованному современным российским обществом.

Таким образом, православное слово в массмедиа, прокладывая путь духовного восхождения человека, формирует просвещающее сознание и возвышающий душу социальный диалог, однако оно испытывает на себе репрессивно-форматирующую силу массмедиа и оказывается порой излишне открытым их «стилистическим урокам», ослабляя связь со своей духовной традицией. Как сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, «говорить языком современной журналистики о смысле христианской веры получается далеко не всегда... Но в современном информационном обществе мы должны научиться говорить понятно и доступно, не утрачивая при этом важных смыслов и оттенков...» [11].

Список литературы

1. Аверинцев, С. С. Вера [Текст] / С. С. Аверинцев // Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – С. 77–78.
2. Вознесенская, Ю. Н. В один прекрасный день... [Электронный ресурс] / Ю. Н. Вознесенская // Правые люди. Новые имена. – 2005. – Режим доступа: <http://pravaya.ru/ludi/451/4866>. – Дата обращения: 12.12.2012. – Загл. с экрана.
3. Всеволод (Чаплин), протоиерей. Жить так, как если бы конец Света наступал через полчаса [Электронный ресурс] / Всеволод (Чаплин) // Русская неделя. Вечный зов Сибири. – 14 мая 2011 г. – Режим доступа: <http://russned.ru/hristianstvo/zhit-tak-kak-esli-by-konec-sveta-nastupal-cherez>. – Дата обращения: 01.12.2012. – Загл. с экрана.
4. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. М. Гапаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
5. Геннадий (Белолов), протоиерей. Православная пресса должна в новом видеть вечное. 2009 [Электронный ресурс] / Геннадий (Белоусов). – Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idag=180981>. – Дата обращения: 09.01.2013. – Загл. с экрана.
6. Глушкова, В. Г. Становление культуры русского предпринимательства и православные ценности [Текст] / В. Г. Глушкова // Основы и ценности православной культуры. – Белгород : Кооперативное образование, 2005. – С. 189–203.
7. Данилова, Ю., Легойда, В. Между миссией и медиа: православные СМИ в России [Электронный ресурс] / Ю. Данилова, В. Легойда // Полит.ру. – 12 октября 2007. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2007/10/12/pravoslavniemi>. – Дата обращения: 12.03.2012. – Загл. с экрана.
8. Евмений (Перистый), игумен. Миссионерская деятельность. Опыт и проблемы: Доклад на Миссионерской Секции Юбилейных XV Рождественских чтений [Электронный ресурс] / Евмений (Перистый). – 2007. – Режим доступа: http://www.reshma.nov.ru/texts/evmeniy_doklad_miss_xv.htm. – Дата обращения: 22.12.2012. – Загл. с экрана.
9. Ирзабеков, В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека [Текст] / В. Ирзабеков. – М. : Даниловский благовестник, 2009. – 200 с.
10. Касьянова, Л. Ю. Когнитивно-дискурсивные механизмы неологизации [Текст] / Л. Ю. Касьянова. – Астрахань, 2009. – 320 с.
11. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Церковная жизнь должна быть служением [Электронный ресурс] / Кирилл // Известия. – 12 мая 2009 г. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/348393>. – Дата обращения: 18.01.2013. – Загл. с экрана.

12. Кириллова, Е. И., Орлов, А. Б. Интент-анализ психотерапевтической речи К. Роджерса (случаи Герберта, Глории и Джен) [Электронный ресурс] / Е. И. Кириллова, А. Б. Орлов. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2011/03/12/>. – Дата обращения: 13.01.2013. – Загл. с экрана.
13. Климент, митрополит Калужский и Боровский. Выступление на Фестивале православных СМИ «Вера и слово» [Электронный ресурс] / Климент. – 2008 // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/493358.html>. – Дата обращения: 20.12.2011. – Загл. с экрана.
14. Клушина, Н. И. Стилистика публицистического текста [Текст] / Н. И. Клушина. – М. : МедиаМир, 2008. – 244 с.
15. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В. Г. Костомаров. – СПб : Златоуст, 1999. – 320 с.
16. Кураев, А. О вере и знании [Электронный ресурс] / А. Кураев // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 45–63. – Режим доступа: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=583>. – Дата обращения: 13.12.2012. – Загл. с экрана.
17. Легойда, В. Р. СМИ и религия: о принципиальной (не)возможности адекватного дискурса [Электронный ресурс] / В. Р. Легойда. – Режим доступа: http://www.religare.ru/2_2878.html. – Дата обращения: 01.12.2012. – Загл. с экрана.
18. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении [Текст] / Ю. М. Лотман Избранные статьи / Ю. М. Лотман. – Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры – Таллинн, 1992. – С. 200–202.
19. Морозов, А. Вера в мире коммуникаций [Электронный ресурс] / А. Морозов. – Православный правозащитный центр «Территория церкви». – 2002. – Режим доступа: http://www.religare.ru/2_309.html. – Дата обращения: 23.01.2013. – Загл. с экрана.
20. Невлева, И. М. Духовная мелодика слова [Текст] : монография / И. М. Невлева. – Белгород: Кооперативное образование, 2007. – 250 с.
21. Сергей (Королев), епископ. Значение и сила слова. Слово должно творить нашу жизнь [] / Сергей (Королев) // Духовная жизнь в миру. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/bogoslovie/sergii.htm>. – Дата обращения: 01.12.2012. – Загл. с экрана.
22. Солганик, Г. Я. Современная языковая ситуация – язык СМИ – литературный язык [Текст] / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – № 1. – С. 9–21.
23. Троицкий, В. Ю. Духовность слова [Текст] / В. Ю. Троицкий. – М. : ИРТК, 2001. – 234 с.
24. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества [Текст] / Ф. Уэбстер. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
25. Флоренский, П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах [Электронный ресурс] / П. А. Флоренский. – Режим доступа: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_boge2/stolp_i_utverzhdnie_istiny_05-all.shtml. – Дата обращения: 03.01.2013. – Загл. с экрана.
26. Zengotita, Th. De. Mediated: How the Media Shapes Your World and the Way You Live in It by [Текст] / Th. De. Zengotita. – Bloomsbury, 2005. – 234 p.

**STYLISTIC LESSONS OF CONTEMPORARY MASS MEDIA
AND ORTHODOX WORD**

A. V. Polonskiy

National Research University Belgorod State University

The department of communication studies, advertising and public relations

The article deals with the stylistic features of orthodox words in the pages of contemporary Russian mass media.

Key words: *Orthodoxy, Orthodox word, spiritual tradition, Russian mass media, discourse.*

Об авторах:

ПОЛОНСКИЙ Андрей Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Белгород, ул. Победы, д. 85), e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru